

Прошлое, настоящее, надежда (интервью с Тимом Уильямсоном)

Лев Ламберов – Благодарю за Ваше любезное согласие дать интервью. Скажите, когда и почему Вы решили заняться философией? Интересовала ли Вас философия в школе? Я знаю, что Вы получили бакалаврскую степень по программе «Философия и математика». Почему Вас привлекли два этих предмета? Интересовали ли Вас основания математики?

Тим Уильямсон – Родом я происхожу из академической семьи. Мой отец и мать преподавали английскую литературу в Оксфордском университете. Мои дядя и тетя занимались французской литературой, а мой двоюродный дедушка, хотя он и был бизнесменом, опубликовал несколько работ под эгидой Аристотелевского общества, а также книгу, опередившую свое время, в которой он доказывал, что философы сознания должны больше внимания уделять эмпирической психологии. Становясь сотрудником университета, я более или менее следовал традициям моей семьи. Хотя философию и не преподавали в школе, в которой я учился, я заинтересовался ей в возрасте, приблизительно, четырнадцати лет. Помню, я прочел серию интервью с ведущими британскими философами того времени: А. Дж. Айером, Карлом Поппером, Гильбертом Райлом, Питером Стросоном, Бернардом Уильямсом. В то время я заносчиво полагал, что легко мог бы рассуждать как они. Меня занимал в то время вопрос о свободе воли (сейчас меня уже не интересует, свободна ли моя воля). В то же время я игрался с некоторыми маленькими проблемами логики. Год или два спустя мой отец рассказал мне, что в Оксфорде открылся новый курс по математике и философии; без какого-либо сомнения я подумал: «То, что надо!». Это было одно из лучших решений, которое я когда-либо принял; этот курс дал мне в точности те умения и знания, которые мне были необходимы. Меня привлекли не какие-то конкретные проблемы математики или философии, даже не философские основания математики, но скорее возможность заниматься размышлениями специфического вида: рациональными, естественными, абстрактными, общими, структурными, исходящими из первых принципов. Тонкое и в то же время точное

размышление кажется мне настолько же приятным как хорошее вино.

Л. Л. – Какой была атмосфера, когда Вы учились? Кто был Вашим идеалом в философии и математике? Чьи лекции Вы помните? Какие темы были в то время горячими?

Т. У. – Я был студентом с 1973 по 1976 и затем до 1980 года готовил диссертацию. Как и сейчас Оксфорд был очень большим весьма активным интернациональным сообществом философов. Когда я только поступил в Оксфорд, Айер занимал кафедру логики (эту кафедру сейчас занимаю я), Стросон занимал кафедру метафизики, но мы, студенты, чувствовали, что в философском плане они относятся к предыдущему поколению. Философия языка в то время была центром. Только что появилась первая книга Майкла Даммита о Фреге, она произвела фурор; он стал преемником Айера в 1979 году. В последний год работы над моей диссертацией Даммит курировал меня. Его интеллектуальная серьезность и глубина очень сильно поразили меня, хотя я не мог принять антиреализм или верификационизм, которые были сердцем его философии, я не мог принять его отрицание классической логики и закона исключенного третьего в пользу интуиционистской логики. Если у меня и была модель того, как следует заниматься философией, то это был Сол Крипке, который еще молодым человеком приехал к нам прочесть лекции имени Джона Локка; я тогда был на первом курсе. Его искусное соединение ясности, логической строгости, здравого смысла и юмор показалось мне неотразимым. Тогда я прочитал его «Именование и необходимость» в версии 1972 года с такой скоростью, будто это был притягательный роман; я все еще считаю эту книгу одним из наивысших достижений философии второй половины двадцатого века. В конце первого курса меня заинтересовала проблема получения из грубого отношения неразличимости точного отношения тождества, я использовал теоретико-множественный подход и с помощью аксиомы выбора показал, что в некотором смысле эта проблема имеет всегда более, чем одно решение. Много лет спустя это привело меня к написанию моей первой книги «Тождество и различие» (1990). Мой излюбленный тип рассуждения берет свое содержание от эпистемологии или метафизики, а форму – от логики. Например, летом 1974 года я наслаждался чтением «Структуры явления» Нельсона Гудмена и «Объектов мысли» Артура Прайора.

Проблема неопределенности была одной из самых горячих в оксфордской философии языка в середине 1970-х. Как раз тогда Даммит, Криспин Райт и Кит Файн опубликовали свои первые весьма продуктивные статьи на эту тему. Сама проблема берет свое начало с древнегреческих соритов. Представим кучу; если Вы уберете одно зерно, то то, что останется перед Вами, все еще будет кучей. Очевидно, повторяя это рассуждение можно доказать, что перед Вами находится куча, когда осталось три, два зерна, одно зерно или даже ни одного зерна. Несомненно, имеется какая-то ошибка в том, как мы применяем такие неопределенные термины как, например, «куча». Проблема намного глубже, чем это кажется на первый взгляд. Она касается логики и семантики неопределенного языка (языка с неопределенными терминами). Одним из вариантов ее решения является отказ от дихотомии истинности и ложности, на которой основана классическая логика, и замена ее континуумом степеней истинности. Когда мы были студентами, то часто спорили на эти темы. Мы рассуждали о том, подходит ли интуиционистская логика для решения проблемы неопределенности. Одним из вопросов на нашем последнем письменном экзамене был вопрос «Если X является ребенком в возрасте t секунд, X является ребенком в возрасте $t+1$ секунд, то как хотя бы кто-нибудь может повзрослеть?». Я выбрал этот вопрос и аргументировал, что интуиционистская логика не является решением. В то же время один из моих сокурсников выбрал тот же вопрос и начал свой ответ с того, что написал, что я должен был выбрать этот вопрос и предложить тот самый аргумент, который он будет критиковать. К счастью, я как раз размышлял именно о такой критике, которую он предпринял, хотя и понятия не имел, что он как раз готовил такой аргумент, и включил ответ на него в свой ответ на вопрос.

Мне не нравился так называемый «дэвидсонский бум», который в то время происходил в Оксфорде. Некоторые более молодые философы считали Дональда Дэвидсона своего рода гуру, частью из-за того, что он писал и говорил как гуру, не желая ясно и открыто уточнять свои несколько гномические высказывания. Под его влиянием философы, лишь мало знающие логику, иногда приписывали наиболее магические силы каким-то незначительным техническим результатам. Хотя влияние Витгенштейна было еще хуже, несмотря на то, что оно в то время уже приходило в упадок. Апелляция к его авторитету часто душила спор, а не проясняла его. Я предпочитал (да и предпочитаю теперь) более научный стиль, при котором следствия различных подходов ясно и открыто

прорабатываются и справедливо сравниваются.

В начале я предполагал написать диссертацию о принципе достаточного основания Лейбница. Я надеялся формализовать его, чтобы его последствия могли бы быть строго дедуцированы. Тем не менее, чем больше я о нем думал, тем более неуловимым он мне казался, поэтому я переключился на идею правдоподобия Поппера, идею о том, что научные теории могут все более и более приближаться к истине, даже если они и никогда ее не достигнут. Я понял, что это полезный компонент в защите реалистского взгляда на истину; существует объективный стандарт, независимый от того, во что мы верим. Мне нравилось шокировать людей, говоря им, что Поппер кажется мне более интересным, чем Дэвидсон (сейчас же я считаю Дэвидсона более утонченным из этих двоих). Когда я говорил им, что работаю над аппроксимацией к истинности, обычной реакцией был вопрос: «Это и есть проблема неопределенности?». А моим обычным ответом было сказать: «Нет, так как даже точные научные теории могут быть лучшими или худшими приближениями к истинности». В тот момент я про себя презирал тех, кто, рассуждая в соответствии со стереотипами, смешивает проблему философии науки с более модной проблемой философии языка. Однако смеяться следует надо мной, так как хотя путь к ней не был прямым, моей второй книгой оказалась «Неопределенность» (1994). Сейчас я склонен подозревать, что все эти вопросы были неосознанно связаны в моем сознании все время.

Более, чем Лейбниц, мне были близки по духу три великих философа: Платон, Фреге и Рассел. Платон за его глубокое чувство эстетики структуры как руководства к истине в философии. Фреге за его ясность, строгость и систематичность. А Рассел за его объединение эпистемологии и логики.

Л. Л. – Какой была Ваша первая публикация по философии? Как Вы ее сейчас оцениваете? Каковы были Ваши научные интересы? Изменились ли они?

Т. У. – Моей первой публикацией была короткая статья в журнале «Analysis» в 1982 году о том, что иногда называют парадоксом знания. Это аргумент, который, как кажется, демонстрирует вывод от умеренной формы верификационизма, что все истины могут быть известны, к предельной форме верификационизма, что все истины уже известны; это разновидность *reductio ad absurdum* верификационизма. Фредерик Фитч

впервые опубликовал этот аргумент в 1963 году, приписывая его анонимному рецензенту одной его более ранней статьи 1945 года. Недавно оказалось, что этим рецензентом являлся Алонзо Черч. Я указал, что этот аргумент не работает в интуиционистской логике, которую такие верификационисты как Майкл Даммит считали подходящей для верификационизма. Это не означает, что я начал симпатизировать верификационизму; я лишь полагал, что он не может быть так просто преодолен. Я оказался прав относительно технического момента хотя это и не было особо важно, так как цена серьезного принятия интуиционистской логики чрезмерна, а аргументы в ее пользу слишком слабы. Вообще, когда менялся философский климат, я все больше и больше начинал рассматривать верификационизм и антиреализм в качестве маргинальных точек зрения, на которые я не хотел бы и не должен был бы тратить свое время.

В 1980-х у меня были некоторые идеи о том, как можно использовать модальную логику (эпистемически интерпретированную) в качестве системы, в которой можно было бы формализовать антиреалистские и верификационистские идеи, вывести их следствия с целью опровержения этих позиций. Тогда я понял, что мне необходимо дополнительное знание модальной логики, что привело к публикации моих статей с рядом технических результатов в 1988 году и в более позднее время; обычно эти результаты имели своим основанием эпистемологические мотивы.

Заканчивая свою первую книгу, я понял, что, по меньшей мере, некоторые случаи неопределенности могут пониматься в качестве эпистемологических по своей природе, и поэтому классическая логическая дихотомия истинного и ложного может быть сохранена даже для неопределенных языков: даже если существует четкая линия между случаями, когда утверждение «Это куча» истинно и когда оно ложно, наша неспособность определить, где эта линия пролегает, может быть объяснена эпистемологически. Это привело к моей книге о неопределенности, в которой я обобщил эту идею до всех случаев неопределенности и, следовательно, представил аргумент в защиту классической логики. В то время превалировала идея о том, что если антиреализм является правильной позицией относительно всего, то он правилен и относительно неопределенности. Моя же стратегия заключалась в том, чтобы показать, что антиреализм неправилен относительно неопределенности, поэтому он неправилен и во всех остальных случаях.

Дальнейшие размышления о проблемах эпистемологии вылились в конечном счете в мою книгу «Знание и его пределы» (2000), которая также содержит мое более позднее исследование парадокса знания и эпистемологических ошибок, лежащих в основании антиреализма. Подход, который я называю «сначала знание», разработанный мною детально в этой книге, уже упоминался в моей более ранней книге, изданной десять лет ранее – «Тождество и различие». Работая над ней я понял, что разница между различимостью и неразличимостью лучше всего понимается через разницу между тем, что мы можем, и тем, что мы не можем знать, чем через понятие убеждения.

После книги «Знание и его пределы» я начала разрабатывать свои идеи о том, что в чем состоит природа философии. Некоторые из этих идей возникли у меня еще в те времена, когда я был студентом, например, я скептически относился к так называемому «лингвистическому повороту» в философии, так как я заметил, что попытка переинтерпретации метафизических проблем в качестве проблем лингвистических искажает их или просто добавляет к ним пустословия. Когда я был студентом, у меня было чувство, которое я не мог ясно выразить, что начало исследования в принципе не может быть неоспоримым. Мои поздние работы по эпистемологии помогли мне разработать эту мысль. Чем больше я занимался философией, тем больше я понимал, что современная аналитическая философия, как ее себе представляют сами философы, в действительности совершенно ей не соответствует. Моя книга «Философия философии» (2007) представляет собой попытку исправить эту ситуацию.

В настоящее время основным направлением моих исследований является изучение онтологических проблем, возникающих в связи с квантифицированной модальной логикой. Я разрабатываю аргумент по поводу того, что существование в чисто логическом смысле является не-контингентным и не-временным. Контингентными и временными являются только свойства, такие как быть живым, или быть конкретным, или находится в пространстве. Мои онтологические исследования уходят своими корнями в 1980-ые годы, но постепенно я делаю их все более и более строгими. Недавно я закончил писать главу, в которой дается оценка вклада Сола Крипке в его работе по семантике модальной логики («Семантические рассмотрения модальной логики»), которая впервые заинтересовала меня, когда я был студентом.

Как Вы можете видеть, акценты моих исследований со временем менялись, но в то же время имеет место и строгая континуальность. Когда

я пишу что-то, то я не всегда осознаю, как одна работа согласуется с другой, но благодаря подобным ретроспективам я могу видеть всю картину целиком. Возможно, это и хорошо, в противном случае можно было бы не заметить особенностей рассматриваемых проблем, а лишь растягивать или рубить их по методу Прокруста.

Л. Л. – Почему Вы решили поддерживать классическую логику (а не интуиционистскую, не релевантную, не немонотонную или какую-нибудь еще)? Мне кажется, у классической логики имеются весьма обширные онтологические обязательства; может быть более полезно использовать менее онтологически нагруженную логику?

Т. У. – Классическая логика более сильна, чем ее большинство ее альтернатив. В том смысле, что она имеет больше следствий и, следовательно, больше обязательств. В случае самой классической логики, я не назвал бы эти обязательства онтологическими в строгом смысле этого слова, так как они не касаются каким-то особым образом того, как существуют те или иные вещи. Тем не менее, я защищаю расширение классической логики с неограниченной общностью (логика «абсолютно всего»), которая имеет обязательства к существованию бесконечно многих объектов, поэтому я готов защищать и эти обязательства.

Идея, что в логике мы должны минимизировать наши обязательства, может возникнуть из представления о логике как о некотором нейтральном арбитре между соревнующимися друг с другом субстанциональными теориями. Но это не является рабочим представлением о логике, так как любой центральный логический принцип, включая и принципы неклассических логик, время от времени подвергается критике с метафизических или эпистемологических оснований. Не существует нейтрального, неоспоримого ядра логики. Это более наука, она намного больше похожа на другие науки, чем считают философы. В других теориях мы не требуем, чтобы наши теории не обладали онтологическими или каким-либо другими обязательствами. Это сделало бы их слабыми и неинформативными. Нам нужны сильные, информативные теории, так как мы хотим, чтобы они рассказали нам как можно больше о том, каковы вещи вокруг. То же самое справедливо и относительно логики. Конечно, мы также хотим, чтобы наши теории были верны.

Когда классическая логика оценивается как научная теория, то у

нее намного больше преимуществ, чем у ее альтернатив. Она более проста и изысканна. Ее можно проверить «эмпирически» через ее применение в математике и, следовательно, во всех других науках, когда они используют математику. Более слабые логики оказывают более или менее отрицательное влияние на математику и зачастую не способны решить даже те проблемы, для решения которых они были созданы. Возражения по отношению к классической логике основаны на независимых друг от друга философских догмах и верованиях, зачастую весьма элементарных. В своих работах я прояснил возражения против классической логики, которые связаны с понятием неопределенности, и я полагаю, что то же самое может быть сделано и в отношении остальных возражений по отношению к классической логике. Согласно знакомому из науки критерию выбора теорий, отказ от классической логики в пользу какой-нибудь ее альтернативы был бы сумасшествием.

Конечно, неклассические логики могут быть представлены в качестве формальных систем, которые являются вполне определенными математическими структурами и поэтому сами подлежат научному изучению, но в рамках классической логики. Как такие формальные системы они обладают довольно полезными свойствами. Например, мы можем использовать интуиционистскую или немонотонную логику, когда мы изучаем конструктивные и индуктивные рассуждения соответственно. Но это лишь инструментальные применения, их подлежащая логика все еще остается классической. Они не представляют угрозу для классической логики как корректной систематизации универсальных форм сохраняющих истинность рассуждения.

Л. Л. – Вы сказали, что использовали аксиому выбора для демонстрации того, что проблема получения точного критерия тождества имеет более чем одно решение. Аксиома выбора в свое время являлась одной из самых спорных теоретико-множественных аксиом. Сама по себе она интуитивна, но некоторые люди полагали, что ее следствия противоречат интуиции. Какова Ваша позиция относительно обоснования аксиомы выбора и вообще использования математики при решении философских проблем?

Т. У. – Полагаю, имеется в виду теорема Банаха-Тарского о том, что сферу можно разбить на две сферы того же размера, что и изначальная сфера. Естественно относиться к этой теореме с недоверием, когда только Вы впервые о ней слышите. Но когда Вы узнаете о ней

больше, например, что части сферы не похожи на те части, которые можно получить разрезанием апельсина, то становится понятно, что изначальные геометрические инстинкты не имеют здесь авторитета. Всякая серьезная теория множеств основывается на изначальном контринтуитивных идеях, таких, что иногда множество имеет меньше элементов, чем его собственные подмножества (это, правда, не зависит от аксиомы выбора). Когда мы впервые слышим об этом, еще будучи молодыми студентами, это шокирует нас, но когда мы понимаем аргументацию и осознаем, что некоторые наши привычные способы рассуждения соответствуют конечному, а при рассмотрении бесконечного могут быть крайне ненадежными (интуicionисты полагают, что это применимо и к классической логике; их гипотеза изначально была весьма интересна в плане исследований, но потом она повернулась против них же самих). Поэтому я не рассматриваю аргументы против аксиомы выбора как что-то достаточно сильное.

Аксиома выбора весьма полезна в математике. Как я уже указывал, когда математики используют ее, они обозначают свою уверенность в ней путем утверждения теоремы, которая предполагает, что они рассматривают ее в качестве менее определенной, чем другие аксиомы теории множеств. Если спросить их, почему они так поступают, они могут указать на то, что было доказано, что эта аксиома является независимой от других аксиом. Так и есть, но другие аксиомы тоже независимы друг от друга, это не обосновывает приписывание им какого-то подчиненного статуса. Если обратиться к истории, то сопротивление аксиоме выбора было мотивировано конструктивистскими философиями математики, которые были в широком обороте среди математиков начала двадцатого века. Хотя эти идеи стали маргинальными и в философии, и в математике, договоренность об исключении аксиомы выбора из числа принимаемых аксиом все еще иногда упорно принимается, однако, без какого-либо рационального основания.

Об этом, тем не менее, трудно говорить достаточно точно, так как наше понимание того, как обосновывается *какая-либо* из аксиом теории множеств, не является очень-то уж глубоким или разработанным. Кажется, имеет место связанная подлежащая концепция теоретико-множественной иерархии, настолько большая, насколько она вообще может быть. Возможно, аксиома выбора является менее центральной в этой концепции, чем некоторые другие аксиомы, хотя она вполне ей подходит. Но пока у нас отсутствует более удачно сформулированное обоснование других аксиом, мы вряд ли можем сказать что-либо полезное

относительно того, чем обосновывается аксиома выбора.

В отношении же использования математики при разрешении философских проблем я не думаю, что это чем-то отличается от использования математики в решении проблем каких-либо других наук. Хотя мы не знаем достаточно о том, *как* мы знаем математические теоремы, мы знаем, *что* мы их знаем. Они более безопасны, чем большинство результатов философского рассуждения, поэтому почему бы нам и не использовать их? Философия не предшествует другим наукам. Как философы мы нуждаемся в любой помощи, какую только можем получить; всякое знание, которым мы обладаем, мы стремимся применить в философии. Это включает в себя и математическое знание. В связи между математикой и философией нет ничего нового: вспомним Платона или Лейбница. Опыт, приобретенный философией в прошлом столетии, заключается в том, что математика может внести существенную лепту в прогресс философии. Конечно, нельзя ожидать, что одна математика решит проблемы философии, так же мы не можем ожидать, что она одна решит все проблемы физики. В философии или физике требуется также и важная нематематическая работа, хотя бы для того, чтобы указать, где математика может оказать помощь. Философия и физика способны давать плоды только в том случае, когда они объединяют математику с хорошими нематематическими исследованиями своего предмета.

Л. Л. – Вы упомянули реализм и сориты. Как я понимаю, Вы предполагаете, что у неопределенных терминов имеются предельные точки применимости, то есть, имеется точное разделение состояний предмета. Тем не менее, никто не может обнаружить (или даже представить) эти точки применимости. Что обосновывает Ваше допущение об их существовании? *Действительно ли* они существуют? Например, рассмотрим такой неопределенный предикат как быть тяжелым. Например, 30 килограмм для меня тяжело, но для моей жены тяжело 5 килограмм. Предполагается ли, что существует множество свойств тяжести, по одной для каждого? Или этот предикат обозначает отношение, а не свойство? Может быть все неопределенные предикаты являются на самом деле отношениями?

Т. У. – Во-первых, логика дает основания для убежденности в том, что такие предельные точки применимости существуют, так как мы можем доказать, используя (классическую!) логику, что они существуют. У нас имеются сомнения на этот счет потому, что мы не можем

обнаружить или даже представить их. Эпистемология помогает разрешить эти сомнения, показывая, что трудность обнаружения или представления этих предельных точек может быть предсказана на независимых эпистемологических основаниях. Затем мы обращаемся к теориям, согласно которым таких предельных точек нет, и видим, что у всех этих теорий имеются собственные серьезные проблемы.

Многие неопределенные предикаты являются контекстно-зависимыми, поэтому они выражают различные свойства, когда используются в различных контекстах. Подобно тому как слово «мое» выражает свойство быть принадлежащим Тиму Уильямсону, когда оно используется мной, и выражает свойство быть принадлежащим Льву Ламберову, когда используется Вами, слово «тяжелый» может выражать одно свойство, когда Ваша жена должна что-то поднять, и выражать другое свойство, когда Вы должны что-то поднять. Существует диадическое отношение, в котором объект О находится к субъекту Р, когда О тяжел для Р, но также существует и монадическое реляционное свойство, которым обладает объект О, когда О тяжел для Вас, и другое монадическое реляционное свойство, которым обладает объект О, когда О тяжел для Вашей жены и т. д. Конечно, это не фундаментальные физические свойства или отношения. Некоторые свойства и отношения имеют более локальную значимость. Это разнообразие свойств и отношений не зависит от моего постулирования предельных точек применимости неопределенных терминов. *Всякая* теория неопределенности должна содержать в себе объяснение такой контекстуальной вариации.

Л. Л. – Вначале Вы сказали, что Вам не нравилась дэвидсоновская философия. Затем же написали, что сейчас считаете Дэвидсона более тонким философом, чем Поппер. Почему Ваше отношение к Дэвидсону изменилось?

Т. У. – В действительности, мое отношение к Дэвидсону изменилось не сильно. Он всегда казался мне очень тонким мыслителем, высказывающим важные идеи. Но его интерпретация различных подходов к его собственному творчеству кажется мне хитрой и неясной, это препятствует критическому анализу его аргументов. Изменилась скорее его репутация. Сегодня более сбалансировано оценивают и его реальные достижения в философии языка и философии сознания, и его реальные промахи. Последнее вызывает меньше возражений, так как

сейчас почти никто не считает его гуру. Будучи студентом я использовал Поппера в качестве противовеса Дэвидсону, и в этом контексте его влияние было полезно, хотя и было очень трудно игнорировать грубость и догматизм Поппера, а также его собственное согласие со статусом гуру, которым он обладал в некоторых кругах за пределами Оксфорда. Но я не должен быть таким неблагодарным – в своей недавней статье я цитировал работу Поппера по условным вероятностным функциям.

Л. Л. – В своих статьях и книгах Вы делаете несколько замечаний о дисквотационном свойстве истины. Какова Ваша позиция по отношению к дефляционизму? Как Вы считаете, нейтрален ли дефляционизм в отношении спора реализм/антиреализм? Как, с Вашей точки зрения, понятие истины связано с реализмом?

Т. У. – Я отвергаю теорию избыточности истинностного предиката и более крайние формы дефляционизма. Например, я с радостью интерпретирую истинность как свойство предложений в определенных контекстах. Мы можем понять вопрос о том, истинно ли предложение, высказанное на неизвестном нам языке, даже если мы и не знаем истинно оно или нет. Самое полезное замечание об истинности сделано еще Аристотелем: в современной терминологии оно означает, что если предложение *S* в контексте *C* говорит, что *P*, то *S* истинно в контексте *C* тогда и только тогда, когда *P*; *S* ложно в контексте *C* тогда и только тогда, когда *P* не имеет места. Конечно, предложение «*P*» в нашем языке в настоящем контексте говорит, что *P*, поэтому «*P*» истинно в настоящем контексте тогда и только тогда, когда *P*, что является дисквотационным принципом. Парадокс лжеца и некоторые другие семантические парадоксы показывают, что иногда предложение «*P*» в нашем настоящем контексте не может сказать, что *P*, что является серьезной трудностью. По моему мнению, истина живет в логике и семантике. Это взгляд при желании можно назвать умеренным дефляционизмом. Некоторые метафизически претенциозные версии корреспондентной теории истины пытаются идти дальше указанных выше принципов, но в конце концов они терпят неудачу. Когерентные, прагматистские и верификационистские теории истины еще хуже.

Полагаю, дефляционизм нейтрален относительно спора реализм/антиреализм в том смысле, что без каких-либо дальнейших допущений он согласуется и с реализмом, и с антиреализмом. Некоторые антиреалисты, защищая свои взгляды, отвергали дисквотационный

принцип совершенно безнадежным образом – такое отрицание является *reductio ad absurdum* своей собственной позиции. Конечно, термины «реализм» и «антиреализм» могут быть определены различными способами. С моей точки зрения, с точки зрения умеренного дефляционизма, рациональные и адекватные размышления о различных примерах достаточны, чтобы сформулировать, по меньшей мере, некоторые формы реализма – например, что нечто может быть истинным даже в том случае, если об этом никто не знает.

Л. Л. – Опасен ли парадокс Фитча только для верификационистов? Имеются ли какие-либо подходящие способы его разрешения?

Т. У. – Я более склонен понимать этот аргумент как результат, а не как парадокс. Этот результат может иметь различные вариации, но целью всегда является верификационизм или некоторая его разновидность. Как и относительно всякого доказательства, имеются различные пути его преодоления путем ограничения логики. Например, если постулируется иерархия уровней знания, схожая с теорией типов Рассела, и принимаются разнообразные допущения о различиях между уровнями, этот аргумент перестает работать. По моему мнению, такие способы преодоления этого аргумента являются *ad hoc*'овыми. Изобретение новых ограничений для логики не является хорошей методологией всякий раз, когда кому-то не нравится заключение некоторого аргумента. Так ложные идеологии защищают себя от плохих новостей.

Л. Л. – Опровергают ли контрпримеры Гетье «традиционное» определение знания? Ошибочна ли проблема Гетье?

Т. У. – Контрпримеры Гетье опровергают концепцию знания как истинного и обоснованного убеждения, которая стала популярной до 1963 года через работы Нормана Малкольма, А. Дж. Айера и Родерика Чизома, а также была, своего рода, предвосхищена Платоном. Эта концепция не является традиционной в истории философии, как обычно мы, аналитические эпистемологи, говорим, так как она основывается на фаллибилистском стандарте обоснования, традиция же ассоциировала знание с инфаллибилистским стандартом обоснования. Контрпримеры Гетье работают только когда обоснованное убеждение отождествляется с убеждением, для которого у некоторого субъекта есть хороший повод,

чтобы придерживаться этого убеждения. В действительности, это был тот стандарт, на который полагались Малкольм, Айер и Чизом, так как они считали, что некоторые ложные убеждения являются обоснованными (иначе термин «истинное» в фразе «истинное и обоснованное убеждение» было бы излишним). Сейчас я полагаю, что повод не является полным обоснованием. Убеждение полностью обосновано лишь тогда, когда оно составляет знание, в противном случае оно открыто критике. Таким образом, лишь истинные убеждения полностью обоснованны.

Десятилетия спустя публикации статьи Гетье в 1963 году эпистемологи стремились определить эту проблему так: что должно быть добавлено к истинному обоснованному убеждению, чтобы оно считалось знанием? Они предполагали, что знание должно анализироваться в более базисных терминах, и что понятие убеждения является более базисным, чем понятие знания. В своей книге «Знание и его пределы» я доказываю, что эти допущения ошибочны, и предлагаю причины, которые могли склонить философов к этим ошибкам.

Л. Л. – Представьте, что Вам нужно ответить на некоторые «философские» вопросы (вопросы, которые считаются философскими теми, кто не знаком с философией; например: «В чем смысл жизни?») в очень популярной форме и представить достижения философии. На какие «философские» вопросы Вы ответили бы и как?

Т. У. – Задающий вопросы решает какой вопрос задать, а не тот, кто отвечает. По моему опыту, люди, не знакомые с философией, часто спрашивают у философов вопросы, на которые последние хотят отвечать в самую последнюю очередь. Иногда я пишу небольшие статьи специально для людей, мало знакомых с философией, на темы по моему выбору. Недвно я написал заметку для блога газеты «Нью-Йорк Таймс» о когнитивной ценности воображения¹.

«В чем смысл жизни?» – классический пример вопроса, который не любят философы-аналитики, особенно если его задают люди, желающие получить очень глубокий, очень короткий ответ, который совершенно ничем не обосновается. Но ценность этого вопроса состоит в том, чтобы узнать, почему он задается. В случае этого вопроса, это отказ от религиозной веры. Люди удивляются тому, в чем же состоит смысл жизни, если они не являются частью божественного плана. Но что

---

1 См.: <http://opinionator.blogs.nytimes.com/category/the-stone/>.

хорошего в том, чтобы быть частью чьего-то плана? Кто хочет, чтобы их жизнь полностью подчинялась родителям или государству? Если кто-то планирует и мою жизнь, то это хочу быть я, более того, я вообще не хочу, чтобы ее планировали. Кто хочет участвовать в разговоре, который уже распланирован? Может быть, человек, мало знакомый с философией, ответит, что бог, если бы такой был, мог бы точно знать, что такое хорошая жизнь. Но мы можем вспомнить дилемму, которую поставил Платон в «Эвтифроне». Если бог скажет, что это хорошо, то оно станет хорошим, или же то, что оно хорошо, заставляет бога сказать, что оно хорошо? Разве в первом случае мы не встречаем чего-то подлого и рабского, мы делаем что-то просто потому, что кто-то сказал так делать – просто подчиняться приказам? Во втором же случае жизнь делает хорошей не потому, что божество так говорит, и имеет смысл обсудить этот вопрос в нерелигиозном плане (сколько людей, в действительности, считает, что лучше иметь счастливых детей, чем несчастных?). Конечно, это лишь начало диалога, который может продолжиться во многих направлениях. Но важно, чтобы диалог затягивал, а не представлял собой проповедь. Во-первых, разговор с не-философом – это разговор с человеком, который мало знаком с философией. Такой человек в любой момент может заскучать и прекратить разговор. Нельзя допустить, что этот человек будет терпеливо следить за объяснением. Такого человека необходимо постоянно заинтересовывать. Во-вторых, диалог – это обычно хорошая форма для философии в ее недогматичном, неавторитарном виде, диалог структурно открыт для конфликтующих точек зрения и подчеркивает необходимость аргументации, что должно привлекать рациональных людей даже с разными изначальными точками зрения. Пытаясь на практике показать то, как могут помочь ресурсы философии, всякий имеет дело с весьма трудным вопросом.

Сходные проблемы могут возникнуть и при объяснении любой другой академической дисциплины тем, кто ее не изучал, но эта проблема особенно критична для философии, частью из-за того, что от нее ждут популярных объяснений того, как прожить хорошую жизнь, частью из-за того, что у нее мало престижа в обществе науки, технологии и медицины. Когда возникает эта проблема, я иногда говорю людям, что изобретение компьютера было результатом развития современной логики, в котором философия сыграла важную роль.

Л. Л. – Чем для Вас является философия? И что по Вашему такое аналитическая философия? Какие проблемы являются философскими?

Что Вы думаете о будущем философии и аналитической философии в частности?

Т. У. – Различные части философии весьма сильно отличаются друг от друга подобно тому, как отличаются друг от друга части других дисциплин. Философию создают логики и историки философии, несмотря на то, что первые ближе к математикам, а последние ближе к историкам. Сами же логики и историки довольно далеки друг от друга. Тем не менее, имеет смысл выделять такую дисциплину как философия, так как имеется определенная группа умений размышления, которые культивируются и применяются именно философами. Эти умения не настолько строги как формальные умения математиков, но они обладают гораздо большей общностью. Это навыки формируют ядро философии, а центральные философские проблемы лучше всего рассматривать с учетом этих навыков, чем каких-либо альтернатив им. Это не означает, что все другие навыки иррелевантны для философии. Умения, развиваемые в математике, в исторических исследованиях, в экспериментальной науке все могут оказаться полезными для изучения конкретных философских проблем, но эти проблемы остаются философскими, потому что их изучение проходило бы намного хуже, если оно осуществлялось не в философии, а в какой-нибудь другой дисциплине. Если же необходимо узнать, с чем может помочь философия, то достаточно послушать хорошего математика, рассуждающего о проблемах философии математики или хорошего психолога, рассуждающего о проблемах философии сознания, что бы они ни говорили, будет очевидно, что даже лучшие умы поддаются догмам и некритичным верованиям, если у них отсутствует должная философская подготовка. Конечно, это не означает, что философия чем-то лучше других дисциплин лишь потому, что она предполагает такие вопросы, которые не ставятся в других дисциплинах и которые были бы потеряны, если бы философы начали имитировать физиков, психологов или поэтов. Философии не требуется какое-либо большее единство или разрозненность, чем это есть сейчас.

Аналитическая философия – это традиция. Это означает, что ее идентичность состоит в каузальных связях влияния, но не в каких-либо сходствах. Это особая традиция, которую можно проследить через Фреге, Рассела, Мура, Витгенштейна и Карнапа. Лишь по этой причине я не считаю Аристотеля и Лейбница философами-аналитиками, но считаю таковым позднего Витгенштейна, хотя мне, как и большинству

современных философов-аналитиков, более симпатичны Аристотель и Лейбниц, чем Витгенштейн. Попытка определить аналитическую философию через лингвистический поворот, уважение к науке или логическую строгость представляется мне пустой тратой времени, так как сама фраза «аналитическая философия» используется совсем по-другому.

Возможно, наиболее значимым глобальным трендом в философии в последние двадцать лет стало стремительное распространение аналитической философии. Частично оно обусловлено широким распространением английского языка, который, без сомнения, является международным языком науки, но также необходимо отметить, что аналитическая философия сегодня меньше доминирует в англоязычных странах, чем это было когда нацисты изгнали ее из ее изначального дома в континентальной Европе. Такие города как Барселона, Женева и Берлин недавно превратились в центры аналитической философии. Может быть следующим будет и какой-нибудь русский город? Неудача соперников аналитической философии состоит в том, что они не смогли обновить самих себя, это также способствовало распространению аналитической философии.

Люди часто говорят, что если бы они знали будущее философии, то они бы там уже находились. Это предполагает оптимизм относительно общего направления развития философии, который я поддерживаю; так не говорят, когда у ворот стоят полчища варваров. Я не предвижу каких-либо огромных революций в философии, но думаю, будет иметь место некоторый колебательный процесс. Если мы будем делать десять шагов вперед и девять шагов назад, то я нисколько не возражаю.